

К 155-летию со дня рождения
2207 Л. Н. Толстого

«ПРИЯТНО БУДЕТ ПЕРЕЧЕСТЬ...»

Как-то, будучи в Риге, я зашел в букинистический магазин. Купил случайно редкую книжку — «Дневник» Л. Н. Толстого, изданный как приложение к популярному журналу «Жизнь для всех» вскоре после кончины писателя.

Первое, что бросилось мне в глаза, была запись, помеченная 1853 годом: «Помни, чем труднее и тяжелее обстоятельства, тем необходимее твердость, деятельность и решительность и тем вреднее апатия. Слабые души делают наоборот».

Увлечшись, я перелистывал дневник, вчитывался в записи. Некоторые метки, крылаты. Их хотелось тут же списать на память в тетрадь. Заметки бытовые, о душевных волнениях: планы, намерения. Толстой и как писатель, и как человек негодовал на искусственность, манерность, которую встречал в художественных произведениях.

«У всякого искусства, — записывает он в дневнике, — есть два отступления от пути: пошлость и искусственность».

Причем он тут же замечал: искусственность в произведении страшнее пошлости. Почему так? Да, видно, потому, что пошлость нормальный читатель сравнительно легко отличит и попросту от нее отвернется. А искусственность нередко подается под видом правды. Да и самому писателю легче избежать пошлости, чем не поддаться манерности и не впасть в искусственность.

Если бы Толстой записывал только мысли о художественном творчестве, о литературных планах, его дневник имел бы узко эстетическое значение. Но мы встречаем в нем и характеристику деятелей государства, описание и оценку политических событий. Иногда такие строки пропитаны болью и гневом:

«Жизнь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание. То грумондские мужики в остроге, то стражники...». «Прежде правительство с помощью одной церкви обманывало народ, чтоб властвовать над ним, теперь то же правительство понемногу подготавливает для этого дела и науку, и наука очень охотно и усердно берется за это дело». «Читал о коронации (Николая II-го) и ужасался на сознательный обман людей».

Когда же Лев Толстой начал вести дневник?

Осенью 1841 года Толстые переехали из Ясной Поляны в Казань. В марте 1847 года Лев Николаевич уже учился на юридическом факультете университета. Тогда-то он и начал вести записи. В последний же год жизни писателя дневники его стали одной из причин большой распри между домашними. Лев Николаевич передал их на сохранение своему другу В. Г. Черткову. Последняя запись, на глухой станции Астапово, за три дня до кончины:

«Ночь была тяжелая. Лежал в жару два дня. 2-го приехал Чертков. Говорят, что Софья Андреевна. В ночь приехал Сережа. Очень тронул меня. Нынче, 3-го, Никитин, Таня, потом Гольденвейзер и Иван Иванович. Вот и план мой. Делая, что должно пусть будет... И все на благо и другим и, главное, мне».

Как-то, еще в 1850 году, после большого перерыва он вновь вернулся к своему дневнику. Заметил, что это — приятное для него занятие: «приятно будет перечесть» то, что писалось когда-то.

Перечесть свой дневник ему так и не пришлось...

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат филологических наук.

КОММУНАР
г. Тула

8 СЕН 1983